

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ксения Медведева

О «НЕПУТЕВЫХ ЧЕРНИЧКАХ» И «ПТИЧКАХ НЕБЕСНЫХ»: ПАРАДОКС МОНАСТЫРСКОЙ ТОТАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается специфика устройства современных православных монастырей в России. В частности, анализируются дихотомия «мир – монастырь» и разделение внешнего и внутреннего порядка. Для анализа использованы материалы, находящиеся в открытом доступе (вебсайты церковных организаций), а также полевые материалы, собранные автором в ходе включенного наблюдения и неструктурированных интервью с 2012 по 2016 гг. в женских православных монастырях. Автор делает вывод о том, что несмотря на дихотомию «мир – монастырь», которая проходит как в реальном, так и в виртуальном пространстве, современные российские монастыри скорее не «убежища от мира», как полагал Эрвин Гоффман, а прибежища для него. Дихотомия «мир – монастырь» поддерживается пространственной организацией монастыря, его писаными и негласными правилами, которые, впрочем, могут нарушаться с обеих сторон. Монастырский порядок регулируется внешними и внутренними механизмами. К внешним инструментам можно отнести церковные документы, с которыми насельники обычно знакомы плохо, правила и нормы поведения, усваиваемые в процессе социализации в монастыре. Знание устава предполагает не знакомство с конкретным текстом, а скорее успешную социализацию, усвоение принятых в данном сообществе норм и правил поведения, которые могут быть не зафиксированы в письменных документах. Кроме этого, внешне монастырская жизнь регулируется особым распорядком, который может различаться в разных обителях, но служит одной цели – при внешнем однообразии создать условия для внутренней жизни. Внешние механизмы поддержания порядка необходимы, но недостаточны: порядок в том числе зависит от главного в монастыре – «внут-

---

Ксения Сергеевна Медведева – магистр социологии, аспирантка, Свободный университет Берлина, Германия. Электронная почта: medvedeva@gsnas.fu-berlin.de

ренной жизни», самодисциплины самих насельников и реализации ими своей свободы. Кажущаяся несвобода в виде внешней регуляции, которую обеспечивает монастырь, парадоксальным образом конституирует свободу внутренней жизни его насельников. Особые условия и акцент на внутренней жизни являются парадоксом монастырской тотальности и отличают монастырь от других тотальных институтов.

Ключевые слова: православие, монашество, свобода, тотальный институт, Гоффман

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-3-331-344

С конца 1980-х гг. произошел резкий рост числа православных монастырей на постсоветской территории. Если в 1988 г. в РПЦ насчитывалось 22 монастыря, то, по данным 2009 г., их стало 804, из них в России находятся 478 (Сайт Московского Патриархата 2009). В открытом доступе статистики о количестве монашествующих нет, однако эту информацию можно получить из разрозненных источников. Среди крупнейших православных монастырей России можно отметить Серафимо-Дивеевский женский монастырь в Нижегородской области, где проживают около 480 сестер (Сайт Московского Патриархата 2006), Ново-Тихвинский монастырь Екатеринбурга, в котором, говоря монастырским языком, «подвизаются» около 150 сестер (Боженко 2008), монастырь Оптиная пустынь, который насчитывает более 100 насельников¹ (Сайт Калужской митрополии РПЦ 2009).

Несмотря на кажущуюся закрытость, современный российский монастырь – довольно проницаемый, негерметичный институт. Около 41 % населения хотя бы раз в жизни посещало святые места (ВЦИОМ 2015), где во многих случаях располагаются монастыри. В России обители скорее ассоциируются с духовными местами, местами паломничества. Тем удивительнее рассматривать их как режимные учреждения, «тотальные» или «дисциплинарные» институты, как их определили Эрвин Гоффман (Goffman 1961) и Мишель Фуко (1999), поставив в один ряд с армией, тюрьмой, психиатрической больницей.

Для исследования монашества западноевропейские и американские социологи религии используют идеи Жана Сеги о монашестве как утопии, Виктора Тернера о лиминальности, Эрнста Трельча о типах религиозных организаций, Макса Вебера о харизме, религиозном виртуозе и рациональности (Jonveaux et al. 2014). Концепция тотальных институтов применительно к монастырям не получила распространения в социологии религии и часто упоминается в дискуссионном контексте. Так, «излишнее социологизирование» и акцент на институциональной стороне религиозной жизни, по мнению священнослужителя Зданевича, приводят к выводам о дезин-

¹ Насельниками в монастыре называют постоянно проживающих там послушников и монахов.

теграции и отчуждении личности, которые противоречат эмпирическим исследованиям монастырей (цит. по: Jewdokimow 2018: 139); а, например, реформы 1960-х гг. в католической церкви ведут к деинституционализации и реинституционализации монашеской жизни (Collet-Sabé 2013). Монастыри и их социальные роли меняются, появляются новые формы монашеской жизни, например, «новые монашеские общины» (Palmisano 2015), которые являются альтернативой классическому монашеству и подчеркивают свое новаторство и разрыв с традицией.

На постсоветской территории, впрочем, ситуация сложилась по-другому. Большинство монастырей в России начали восстанавливаться с 1990-х гг., многие из них имеют длинную дореволюционную историю. Возрождающиеся обители делают акцент не на новации, а на традиции; они «возрождают старину», монашескую жизнь в классическом ее понимании. Как разрешается противоречие между традиционной моделью монастыря как места уединения и жизнью с Интернетом, мобильной связью, социальными сетями и прочими технологиями? Как современность трансформирует социальную ткань монастыря, находят ли место атрибуты современных реалий в возрожденных обителях? Продуктивно ли использование концепта «тотального института» в изучении современных российских монастырей?

Методы исследования

Чтобы ответить на эти вопросы, я использовала материалы, находящиеся в открытом доступе (вебсайты церковных организаций), а также полевые материалы, собранные в ходе включенного наблюдения и неструктурированных интервью с 2012 по 2016 гг. В 2012 г. я провела два месяца в женском православном монастыре в Нижегородской области, в 2014 г. – один месяц в двух женских православных монастырях в Калужской и Ярославской областях, в 2016 г. – один месяц в двух женских православных монастырях в Ярославской и Ивановской областях. Наблюдения фиксировались в полевом дневнике, интервью были записаны на диктофон или в блокнот. В данной статье приведены цитаты из пяти интервью.

На основе исследований монастырской жизни в России и за рубежом можно заключить, что помимо основной исследовательской задачи, «полевик» в монастыре может выполнять одну из таких ролей, как гость, паломник (трудник), потенциальный монах и монах (Медведева 2016). Материалы для этой статьи собраны в качестве трудника – так в монастырях называют людей, которые приезжают на относительно долгий срок (от нескольких дней до нескольких месяцев) и помогают монастырю физическим трудом (выполняя «послушания») взамен на проживание и питание. При этом они не являются «послушниками», которые, в отличие от временных трудников, постоянно проживают в монастыре и входят в число братства или сестричества. Роль трудника подходит для целей

включенного наблюдения в российских монастырях, поскольку является органичной: статус трудников определен писаными и неписаными монастырскими правилами; эта роль позволяет включиться в различные сферы жизни монастыря благодаря совместной работе и дает возможность проживать в монастыре продолжительное время, что помогает установить более доверительные отношения с насельниками. Приехав в монастырь, я обращалась – в зависимости от доступности начальства – либо к настоятельнице, либо к монашествующим за интервью и сообщала о цели своего посещения. Указанный полевой материал используется в данной работе для анализа институциональной организации монастыря.

Монастырь как проницаемый институт

Начну анализ с рассмотрения дихотомии «мир – монастырь», упомянутой во введении к данной статье. В России есть довольно уединенные монастыри, которые открыты для посещения только во время богослужений; некоторые обители находятся в труднодоступных местах и нечасто принимают гостей; а какие-то не могут принимать посетителей на несколько дней, поскольку не имеют помещений для гостей. Однако большинство монастырей открыты для мирян: они принимают паломников и трудников, нанимают рабочих, участвуют в православных ярмарках со своей продукцией, ведут вебсайты в интернете, где публикуют новости обители, информацию о монастыре, его святынях, способах проезда и памятки для паломников.

Помимо того, что монастыри традиционно были центрами духовности и учености, курс на открытость миру диктуется и современными условиями. В 1980-е гг. многие обители восстанавливались и нуждались в рабочей силе, тогда получило распространение такое явление, как трудничество. Трудники приезжают «помолиться и потрудиться», бесплатно поработать в монастыре взамен на проживание и питание. Их присутствие свидетельствует о том, что современный монастырь – это «трудовое пространство». В околмонастырской среде можно услышать, что современные обители – это колхозы, «трудовые монастыри», в которых преобладает физическая работа. Кроме того, феномен трудничества и ценность гостеприимства демонстрируют открытость современных монастырей.

Согласно классификации Гоффмана, тотальные институты включают учреждения, которые заботятся о людях (дома престарелых); учреждения, которые заботятся о людях, не способных сделать это самостоятельно и считающихся опасными для общества (психиатрические больницы); учреждения для людей с опасными намерениями (тюрьмы); целевые институты (казармы, школы-интернаты) и учреждения, организованные как убежища от мира (*retreats from the world*), в число которых входят и монастыри (Goffman 1961: 4–5). Учитывая их общую доступность и открытость, я бы назвала современные российские монастыри не убежищами от мира,

а «прибежищами для мира», *retreats for the world*, ведь они могут совмещать несколько функций. Помимо приема паломников и других форм культурной и духовной деятельности, монастыри выполняют функции социального патронажа и просвещения (Астэр 2012) в таких традиционных сферах социальной политики, как образование и здравоохранение. При монастыре может действовать семинария (как бывает в случае мужских монастырей), школа-интернат, больница для престарелых или реабилитационный центр для алко- и наркозависимых. Некоторые, чаще мужские монастыри, помогают социально адаптироваться бывшим заключенным, предлагая кров и работу тем, кто вышел из мест лишения свободы.

Посетители приезжают в монастыри с разными целями: экскурсии, паломничество, поклонение святыням, которые хранятся в монастыре, получение духовных советов от монастырских старцев. Обычно трудники приезжают в летний период во время отпусков, сезонных сельскохозяйственных работ, а также во время церковных постов и праздников. Некоторые приезжают с намерением присмотреться к монастырской жизни или вступить в братство/сестричество. У доступных, чаще городских, монастырей есть свои постоянные прихожане, действуют воскресные школы для детей.

Различные категории посетителей служат очередным свидетельством того, что монастырь – это открытое социальное пространство. Впрочем, у открытости есть обратная сторона: так, порой сестры сетуют на многолюдность крупных монастырей и «тесное общение с миром», да и паломники предпочитают посещать «уединенные обители».

Гоффман пишет, что проживающие в институте (*inmates*) ограничены в общении с внешним миром. Общение между монахами и мирянами может быть умерено начальством и/или правилами монастыря. Иногда монахи и миряне живут и питаются отдельно: или у них отдельные трапезные (братская/сестринская и паломническая), или для монахинь и паломников накрыты отдельные столы; паломнические гостиницы располагаются за стенами монастыря. Храмовое пространство тоже разделено: в одном монастыре для монашествующих отведено место у солеи, в другом принято, чтобы во время богослужения миряне молились в левой части храма, а монахини в правой.

Все эти ограничения общения с мирянами существуют и соблюдаются, но, впрочем, не всегда. Внешние правила по поводу разграничения монахов и мирян допускают исключения, и самодисциплина в монастырях может «хромать». Так, во время моего пребывания в одном крупном монастыре не нашлось места для размещения приехавших с подворья послушниц, которые должны были принимать постриг на следующий день. Их поселили ночевать с паломницами в комнате, рассчитанной примерно на 15 человек. Накануне пострига пожилая послушница, лет 70-ти, рассказывала о своей жизни, о встрече с духовником, о пути в монастырь, о детях, о своем муже-монахе, занимающем высокий церковный пост. Нужно учесть, что статус послушниц скорее лиминальный: они входят в «монашескую семью»,

но еще не давали обетов, поэтому их положение близко к положению мирян. Однако ситуации, когда монашествующие и миряне проживают в одном помещении, скорее исключение.

Мне довелось побывать на подворье монастыря, где в основном проживают пожилые монахини, и гости бывают редко. Вышло так, что меня поселили в комнате по соседству с пожилой схимонахиней, в двухкомнатной квартире блочного типа. Мы общались, вместе пили чай и готовили еду – помимо кровати, книг, множества икон и кресла, в ее небольшой келье был палас, шкафы с посудой, чайник, мобильный телефон и CD-магнитофон, на котором она ежедневно слушала акафисты (хвалебные церковные песнопения) и молитвы, а в общей – для нас двоих – маленькой кухне был холодильник и электрическая плитка. В отличие от упомянутого выше послушничества, схема – это высшая ступень православного монашества, которая предполагает больше «трудов молитвенных», аскетизма, «отречения от мира» и прочих «тотальных ограничений», однако, как свидетельствует моя история, открытость миру и ценность гостеприимства могут нарушать этот монастырский порядок.

Дихотомия «мир – монастырь» присутствует не только в реальности, но и в виртуальном пространстве. Сегодня в социальных сетях можно найти множество религиозных сообществ и страниц, в т. ч. персональных аккаунтов монашествующих. В западноевропейской социологии религии они стали предметом исследований (Jonveaux 2013). В русскоязычном сегменте социальных сетей монашествующие также представлены, хотя некоторые российские монастыри ограничивают и/или запрещают контакты с «миром» с помощью современных средств связи: насельникам обычно не разрешается пользоваться мобильными телефонами и ноутбуками, если это не связано с их обязанностями по монастырю.

В монастыре, где проживает инокиня Зосима¹ (ок. 30 лет), по ее словам, *«матушка не любит, когда сестры пользуются»* мобильными телефонами. Однажды настоятельница увидела, как ин. Зосима разговаривала по телефону, забрала у нее трубку и выяснила, с кем и по какому поводу говорила сестра. Вместо того, чтобы трактовать эту ситуацию как проявление тотального контроля за личной жизнью насельников, ин. Зосима предлагает увидеть ее глазами самих монахинь, а именно – как проявление заботы и ответственности:

Ну, человек... т.е. я, получается, пришла в монастырь, доверила свою душу, своё воспитание, свою нравственность матушке игуменье. Вот она блюдет строго. <...> Она же за твою душу отвечать будет, на Страшном Суде она будет отвечать. Почему так, почему упустила в том-то, в том-то? Допустим, если я – упаси Боже – в ад пойду... [смеется] Господи, спаси и сохрани! [смеется, крестится] «Почему она туда? Недосмотрела». <...> Матушка будет за это ответственная, вот. Господи, упаси! [смеется].

¹ Все имена информантов изменены в целях соблюдения анонимности. Далее используется сокращение «ин.»

Нередки случаи, когда монахи сами ограничивают общение с мирянами, в т. ч. в социальных сетях. Я была подписана на обновления страницы одной монахини на сайте «ВКонтакте», но несколько лет назад она прекратила вести свой аккаунт, о чем оповестила подписчиков такими словами:

Дорогие мои друзья, я вас всех очень люблю. Но ГОСПОДЬ не благословляет наше общение. Всех обнимаю. За всех молюсь. Будьте счастливы. А я удаляюсь в прекрасный мир Иисусовой молитвы и подвига Христа ради. Ваша непутевая черничка.¹

Рассмотрев парадокс монастырского пространства как «прибежища для мира», далее я перейду к выяснению механизмов, внешних и внутренних, с помощью которых создается и поддерживается монастырский порядок.

«Внешнее – это чтобы не расслабляться»

Порядок в монастыре задается как внешними инструментами, так и внутренними – благодаря самодисциплине и самоконтролю самих насельников. Внешне монастырская жизнь регулируется монастырским начальством, принятыми в монастыре правилами, особым ритмом жизни, а также документами – Уставом РПЦ, «Положением о монастырях и монашествующих» (Сайт Московского Патриархата 2017) и собственным уставом монастыря. Так, например, Устав Троице-Сергиевой Лавры принят в 1959 г. и стал основой для уставов многих монастырей Московской епархии и не только. На практике с этими документами монашествующие знакомы редко. Сестра-секретарь (ок. 30 лет), которая дала мне распечатанные «Правила» своего сравнительно давно открытого монастыря, объяснила: *«Такого устава, который бы регулировал наш монастырь, нет. У нас матушка игуменья. <...> Утро, вечер – служба, днем – послушания. Вот и весь устав».*

Знание устава – это не столько знакомство с конкретным текстом, а вопрос успешной социализации в монастыре. Устав – это, скорее, образ жизни, принятый в конкретном монастыре, который может расходиться с письменными правилами. За неисполнение устава, тем не менее, можно получить наказание. Так, при мне настоятельница (ок. 65 лет) отчитывала пожилую монахиню: *«Мать Зинаида, ты почему опять не была на обеде вместе со всеми? <...> Ты нарушаешь святых отцов и монастырский устав! Ходи, иначе дам 50 поклонов».*

«Поклончики», как их называют в этом монастыре, довольно популярное наказание и внешне выглядит как «наказание молитвой»: во время службы сестра должна выполнить определенное количество поклонов с молитвой перед местночтимой иконой. «Поклоны» можно получить, например, за отсутствие на обеде, который одновременно является «летучкой»,

¹ Форматирование текста сохранено.

где раздаются «указивки», за опоздание на литургию или за нахождение в ненужное время в ненужном месте (например, в паломнической гостинице после вечерней службы).

Помимо «поклончиков», в особых случаях (обычно это касается старших монахинь) настоятельница может отчитать сестру во время обеда. Как объясняют сестры, наказания необходимы, а их смысл – в исправлении. Ин. Мария (ок. 27 лет) поделилась личным опытом:

Вот недавно у меня был случай, когда я сделала одну нехорошую вещь. Не то что нехорошую вещь... ну, заметили мою неправду, и мне об этом сказали, обличили меня, там, да. И я, во-первых, устыдилась и как-то вот ну почувствовала, что надо исправляться действительно. Вот когда тебе просто скажут, особого, может, исцеления не будет для души. Потому что на таком глубоком уровне в нас сидят эти страсти... Если мне просто сделают замечание тихо на ухо, может быть, эта страсть и не исцелится. Где-то нужно покрыть любовью человеческую немощь, а где-то нужно вскрыть эту рану.

Помимо упомянутых документов, правил и начальства, внешне порядок задается ритмом монастырской жизни, которому подвластны практически все, кто находится в монастыре, включая гостей. Ритм религиозной жизни отличается специфическим режимом дня, который подчинен суточному и годовому кругу богослужений, при этом он может различаться в разных монастырях. В России есть скиты и монастыри, которые живут по т.н. афонскому уставу, когда богослужения проходят ночью. Во многих женских обителях в силу кадрового кризиса литургия совершается только по воскресеньям. Напротив, в крупных монастырях с большим количеством насельников и паломников, например, Дивеево, проводится две литургии в день, ранняя и поздняя. Обычный распорядок жизни многих монастырей примерно такой: 5:30 – подъем, 6:00 – утреннее богослужение, 9:00 – завтрак, потом послушания, в 14:00 – обед, потом отдых и послушания, с 17:00 до 20:00 – вечернее богослужение, потом на полчаса перерыв, с 20:30 до 22:00 – вечерние молитвы.

Жизнь в монастыре довольно однообразна, но у этого однообразия есть своя роль. Как поясняет ин. Маркелла (ок. 25 лет): *«монастырь – это "день сурка", когда каждый день есть возможность прожить по-новому. Здесь меняются приоритеты, ненужное отсекается. Сейчас я уже просто так подруге не позволю поболтать»*. Случаются ситуации, когда возможен выход из этого ритма. В монастыре, где проживает ин. Маркелла, несколько лет назад были введены отпуска. Отпуск дается на 10–12 дней, для этого надо получить разрешение у благочинной и настоятельницы. Летом отпуска обычно не дают, т.к. много работы. Монастырь выделяет сестрам деньги на поездку: в 2016 г. это была сумма в примерно 5000 руб. Обычно сестры ездят по святым местам или навещают родственников. Иногда монахини сетуют, если им приходится покидать монастырь по делам, выезжать из него. Пожилая послушница (ок. 70 лет) рассказывает:

Я два года на подворье жила и за все это время выезжала в мир только два раза. Ой, это так тяжело! Вот монастырю моя пенсия понадобилась, пришлось ехать. <...> Всего три дня в миру побыла, и за три дня растратила все, все, что здесь насобирала [имеет в виду духовное – прим. мое]. Теряется ритм в первую очередь. Тут ты в 6:30 просыпаешься, и пошел церковный день, а там – все.

Особенностью монастыря является то, что для насельников он становится «домом», основным местом проживания, и выход из него – это временная ситуация, а уход (например, оставление монашества после пострига) – возможен, но считается духовной трагедией и для монаха, и для монастыря. В то время как в случае других тотальных институтов, где нахождение обычно временно, выход/уход (демобилизация, выписка из больницы) – это событие ожидаемое, порой долгожданное.

Таким образом, устав монастыря – это документ, не всегда доступный и известный насельникам. Знание устава предполагает не знакомство с конкретным текстом, а скорее успешную социализацию, усвоение принятых в данном сообществе норм и правил поведения, которые могут быть не зафиксированы в письменных документах. Жизнь в монастыре имеет особый ритм, ситуации выхода из него амбивалентны: они могут рассматриваться и как благотворный выход из рутины, и как разорительный в духовном смысле выход из колеи. Рассмотрев в этом разделе внешние регуляторы монастырской жизни, перейдем к обсуждению внутренних механизмов и покажем, что в монастыре внешнее парадоксальным образом является не антагонистом внутреннего, а, напротив, его подспорьем.

Свобода и самодисциплина

Монастырский порядок поддерживается писаными и неписаными правилами, документами, ритмом жизни и руководством. Однако это все «внешнее» и в монастыре, как оказывается, вовсе не самое главное. Главное – внутренняя жизнь. Ин. Зосима поясняет:

Ты не можешь, затронув тему монастыря, писать о нем только как о мирской организации. Ты увидела только внешнее и все, но здесь ведь внутреннее главное. Внешнее – это клюка, весло, которым ты гребешь в Царство Небесное. Внешнее – это чтобы не расслабляться.

«Внешнее» и «внутреннее» – это важная дихотомия для описания монастырской жизни. Если главное в монастыре – «внутренняя брань», «внутренняя работа», «духовная жизнь», то внешние ограничители нужны как инструменты для «внутреннего преуспевания». Это важное отличие монастыря от других тотальных институтов, где основное внимание уделено внешним регуляторам. В монастыре внешнее и внутреннее взаимосвязаны. О том, что такое внутреннее, мы попробовали разобраться с ин. Марией:

...в миру больше живут внешней жизнью, а в монастыре внутренней жизнью. <...> Ну, вот эта как раз направленность на себя. Здесь нет вот этих вот развлечений, нет этой суеты, и ты постоянно... ну как бы... стараешься созерцать свою душу, свое сердце. Что для тебя сейчас главное в твоём сердце. Либо там Христос, либо там господствует какая-то страсть, привязанность к чему-то...

«Внутреннюю работу» можно определить через понятие самодисциплины и свободы в монастыре. Для «внутренней работы» нужны внешние напоминания и ограничения, а также внутренние инструменты – различные монашеские практики (молитва) и добродетели, например, трезвение (внимательное отношение к духовной жизни, дисциплина ума), самонаблюдение. Монахиня Меркурия (ок. 50 лет) добавляет:

Не только жизнь в коллективе воспитывает, а еще важно самонаблюдение. Надо обращаться к себе внутри, отслеживать свои поступки, сердечные движения внутренние. Попробуйте в мире так пожить, отслеживать свои мысли! А здесь есть время для этого. У нас внутреннее – самое важное.

Внутренняя жизнь не столько контролируется внешними инструментами, сколько направляется ими, поэтому большое значение имеет возможность проявления свободы, проявления субъектом своей воли. Однако как возможна свобода в монастыре в условиях «отсечения своей воли» как добродетели, при наличии множества правил, писанных и негласных? Когда спрашиваешь монахинь, чувствуют ли они себя свободными в монастыре, ожидаешь услышать рассуждения о том, как они объясняют наличие устава, распорядка, правил, касающихся поведения, передвижения, дружбы, пищи и пр. Однако монахини толкуют свободу не как свободу от ограничений и правил, как можно ожидать, но как свободу от грехов и страстей. Более того, ограничения и правила выступают как инструменты, которые помогают осуществить свободу. Приведу пример:

Ин. Мария: Смысл свободы достигается через смирение, только так вот, когда человек приходит в состояние смирения, он свободен, потому что ему ничего не страшно. Вот любое случившееся с ним бедствие, скорбь, она не вызывает в его душе... ну, какой-то бури. Боли нету уже. Вот это признак, ну, наверное, смиренного человека. Он все принимает. В этом и есть свобода.

Трудница Ирина: Ой, я могу добавить. Ты от дел свободен. И это уже не твоя обязанность как бы.

Ин. Мария: Да, матушка игуменья любит... как-то она говорила одной женщине мирской: «Вот, у вас там дети, мужья, заботы: в магазин сходи, постирай. А мы, – говорит, – как птички небесные здесь порхаем».

В философии существуют понятия негативной и позитивной свободы, «свободы от» и «свободы для», которые предложил Иммануил Кант и развил Исайя Берлин (1998). Негативная свобода означает возможность действовать

при отсутствии препятствий, принуждения, намеренного вторжения других людей в ту область, где в противном случае можно было бы действовать беспрепятственно. Напротив, «"позитивное" значение слова "свобода" проистекает из желания индивида быть хозяином своей собственной жизни. Я хочу, чтобы моя жизнь и принимаемые мной решения зависели от меня, а не от действия каких-либо внешних сил», – пишет Берлин (1998: 30).

В монастыре особая ситуация: здесь существуют определенные условия, ограничения, внешнее принуждение, духовное руководство; «своя воля» должна отсекается, при этом человек продолжает быть хозяином своей собственной – внутренней – жизни. Залогом монастырской свободы выступают обстоятельства, помогающие осуществиться внутренней свободе. Дисциплина не ограничивает, а, напротив, конституирует своеобразный тип «свободы в», когда принадлежность к институту, жизнь в определенных условиях помогает достичь внутренней свободы.

«Свобода в» монастыре была названа Чарльзом Дадли и Джорджем Хиллери «дисциплинарной свободой» (Dudley, Hillery 1979: 18). В отличие от эгоистичной свободы («делай, что хочешь») и условной свободы («делай, что хочешь, пока это не мешает другим»), дисциплинарная свобода связана с жертвой: чтобы получить свободу, нужно от чего-то отказаться (ibid: 19). Парадокс монастырской тотальности в том, что она призвана помочь насельникам реализовать «дисциплинарную свободу в» монастыре. Кажущаяся несвобода в виде внешней регуляции, которую обеспечивает монастырь, парадоксальным образом конституирует свободу внутренней жизни его насельников. Эти особые условия и фокус на внутреннем, а не внешнем, отличают монастырь от других тотальных институтов.

Заключение

Несмотря на дихотомию «мир – монастырь», которая проходит как в реальном, так и в виртуальном пространстве, современные российские монастыри можно назвать негерметичными институтами. Во многих случаях монастырь – это, скорее, не «убежище от мира», как полагал Гоффман, а прибежище для него. Обратная сторона открытости состоит в многолюдности, суетности обитателей, что не соответствует представлениям части насельников и мирян о монашеской жизни. Дихотомия «мир – монастырь» поддерживается пространственной организацией монастыря, его писаными и негласными правилами, которые, впрочем, могут нарушаться с обеих сторон.

Монастырский порядок регулируется внешними и внутренними механизмами. К внешним инструментам можно отнести церковные документы, с которыми насельники обычно знакомы плохо; правила и нормы поведения, усваиваемые в процессе социализации в монастыре, а также особый ритм монастырской жизни, который может отличаться в разных монастырях, но служит одной цели – при внешнем однообразии создать условия для сосредоточения на внутренней жизни. За нарушение правил могут после-

довать санкции. Внешние механизмы поддержания порядка необходимы, но недостаточны: порядок в том числе зависит от главного в монастыре – «внутренней жизни» самих насельников, их самодисциплины и реализации своей свободы. Помимо деления «мир – монастырь», еще одна дихотомия для описания монастырской жизни – это «внешнее и внутреннее», где внешние ограничения призваны стать ресурсом для реализации внутренней свободы. Внешние ограничения для ее реализации, особые условия и акцент на внутренней жизни и являются парадоксом монастырской тотальности, отличая монастырь от других тотальных институтов.

Выражение признательности

Благодарю приглашенного редактора Тимура Бочарова и анонимного рецензента за внимательное отношение к моему тексту и помощь в подготовке статьи.

Список источников

- Астэр И. В. (2012) Монашество как социо-религиозный феномен. *Религия. Церковь. Общество*, (1): 50–60.
- Берлин И. (1998) Две концепции свободы. Л. Б. Макеева (пер. с англ.) *Современный либерализм*. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция: 19–43.
- Боженко Р. (2008) *Жизнь по уставу*. Доступно по ссылке: <http://www.sestry.ru/church/content/smi/statute/#label1> (дата обращения: 28 января 2018).
- ВЦИОМ (2015) *Пресс-выпуск № 2754. В путь – по святым местам*. Доступно по ссылке: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115122> (дата обращения: 7 марта 2015).
- Медведева К. С. (2016) Полевая работа в монастыре: особенности включенного наблюдения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1 (84): 59–72.
- Сайт Калужской митрополии РПЦ (2009) *Свято-Введенская Козельская Оптина пустынь*. Доступно по ссылке: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhszkaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html> (дата обращения: 28 января 2018).
- Сайт Московского Патриархата (2006) *Сестры Серафимо-Дивеевской обители активно занимаются хозяйственной деятельностью*. Доступно по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/129302.html> (дата обращения: 28 января 2018).
- Сайт Московского Патриархата (2009) *Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном Соборе Русской Православной Церкви*. Доступно по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/541724.html> (дата обращения: 22 октября 2014).
- Сайт Московского Патриархата (2017) *Положение о монастырях и монашествующих*. Доступно по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074472.html> (дата обращения: 28 января 2018).
- Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. В. Наумов (пер. с фр.). М.: «Ad Marginem».
- Collet-Sabé J. (2013) From total institution to extitution? Discussions on the future of monastic life in the Benedictine women's monasteries of Catalonia (Spain). *Revista Internacional de Sociologia*, 71 (2): 335–356.
- Dudley C., Hillery G. (1979) Freedom and Monastery Life. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 18 (1): 18–28.
- Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Doubleday Anchor.
- Jewdokimow M. (2018) *Klasztor w perspektywie socjologicznej: w poszukiwaniu nowego ujęcia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe UKSW.
- Jonveaux I. (2013) Facebook as a Monastic place? The New Use of Internet by Catholic Monks. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, (25): 99–109.
- Jonveaux I., Palmisano S., Pace E. (eds.) (2014) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 5: Sociology and Monasticism: Between Innovation and Tradition*. Leiden: Brill.
- Palmisano S. (2015) *Exploring New Monastic Communities: The (Re) invention of Tradition*. Farnham: Ashgate.

Kseniya Medvedeva

ON 'WAYWARD NUNS': THE PARADOX OF MONASTIC TOTALITY

The article discusses contemporary Orthodox monasteries in Russia, with a particular focus on the opposition of 'world' and 'monastery', and the dichotomy between external and internal order. The paper is based on open-access data, as well as field materials of participant observation and interviews taken in monasteries from 2012 to 2016. It can be concluded that, despite the 'world-monastery' dichotomy, contemporary Russian monasteries are not examples of 'retreating from the world', as Erving Goffman argued, but rather retreats for the world. The dichotomy between 'world' and 'monastery' is supported by the spatial structure of monasteries and their rules. The order of monastic life is regulated by external and internal mechanisms. External instruments include church documents, which the nuns are usually not familiar with; and rules of behavior, which are generally internalized during the process of monastery socialization. For nuns, knowing the rules does not necessarily mean being familiar with the text, but rather it implies successful internalization of community rules. Moreover, externally, monastic life is regulated by a special regime which may differ in different monasteries but serves the same purpose: to create conditions for an inner life irrespective of external monotony. External mechanisms for maintaining order are necessary, but not sufficient: order depends on the 'inner work' of people themselves, their self-discipline and realization of their freedom. Aside from the division between 'world' and 'monastery', the article reveals one more important dichotomy of monastic life which is 'external' and 'internal', where external is understood as constraints, specific conditions, and rules which are employed as a resource for inner freedom.

Keywords: Orthodox Christianity, monasticism, freedom, total institution, E. Goffman

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-3-331-344

References

- Aster I.V. (2012) Monashestvo kak sotsio-religioznyy fenomen [Monasticism as a Socio-religious Phenomenon]. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo* [Religion, Church, Society], 1: 50–60.
- Berlin I. (1998) Dve kontseptsii svobody [Two Concepts of Liberty]. In: L.B. Makeeva (transl. from English) *Sovremennyy liberalism* [Contemporary Liberalism]. Moscow: Progress-Traditsiya: 19–43.
- Bozhenko R. (2008) *Zhizn' po ustavu* [Life According to the Rule]. Available at: <http://www.sestry.ru/church/content/smi/statute/#label1> (accessed 28 January 2018).

---

¹ Kseniya Medvedeva - MA, PhD Candidate, Freie Universität Berlin, Germany. Email: medvedeva@gsn.fu-berlin.de

Collet-Sabé J. (2013) From Total Institution to Extitution? Discussions on the Future of Monastic Life in the Benedictine Women's Monasteries of Catalonia (Spain). *Revista Internacional de Sociología*, 71 (2): 335–356.

Dudley C., Hillery G. (1979) Freedom and Monastery Life. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 18 (1): 18–28.

Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. V. Naumov (transl. from French.). Moscow: Ad Marginem.

Goffman E. (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Doubleday Anchor.

Jewdokimow M. (2018) *Klasztor w perspektywie socjologicznej: w poszukiwaniu nowego ujęcia*. [The Monastery in a Sociological Perspective: Seeking for a New Approach]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe UKSW.

Jonveaux I. (2013) Facebook as a Monastic Place? The New Use of Internet by Catholic Monks. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, (25): 99–109.

Jonveaux I., Palmisano S., Pace E. (eds.) (2014) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 5: Sociology and Monasticism: Between Innovation and Tradition*. Leiden: Brill.

Medvedeva K. (2016) Polevaya rabota v monastyre: osobennosti vkluchennogo nablyudeniya [Fieldwork in a Monastery: Specifics of Participant observation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1 (84): 59–72.

Palmisano S. (2015) *Exploring New Monastic Communities: The (Re) invention of Tradition*. Farnham: Ashgate.

VTsIOM (2015) *Press-vypusk № 2754. V put' – po svyatym mestam* [Press Release No. 2754. Off We Go – to Holy Places]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115122> (accessed 07 March 2015).

Website of Kaluga archdiocese of the Russian Orthodox Church (2009) *Svyato-Vvedenskaya Kozel'skaya Optina pustyn'* [Holy Presentation Optina Pustyn Monastery]. Available at: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html> (accessed 28 January 2018).

Website of the Moscow Patriarchate (2006) *Sestry Serafimo-Diveevskoy obiteli aktivno zanimayutsya khozyaystvennoy deyatel'nost'yu* [Sisters of Saint Seraphim-Diveyevo Monastery are Involved in Administrative Activities]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/129302.html> (accessed 28 January 2018).

Website of the Moscow Patriarchate (2009) *Report of the Patriarchal Locum Tenens Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad at the Local council of the Russian Orthodox Church*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/541724.html> (accessed 22 October 2014).

Website of the Moscow Patriarchate (2017) *Polozhenie o monastyryakh i monashestvuyushchikh* [Regulations on Monasteries and Monastics]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074472.html> (accessed 28 January 2018).